

Т.Я. Хабриева. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНОСОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М.: Контракт, 2010. 287 с.

Очередная книга чл.-корр. РАН, доктора юрид. наук, проф. Т.Я. Хабриевой посвящена проблеме, которая остается наиболее актуальной в отношениях народов и государств. Речь идет о публично-правовых формах, в которые облекается стремление наций, народов, национальных меньшинств (автор верно использует обобщающее слово “этносы”) к самоопределению и самоорганизации. Применяя указанное обобщение, Т.Я. Хабриева различает этнические группировки (с. 17 и др.), связывая с ними неодинаковые правовые формы решения национального вопроса, разные способы самоопределения и самоорганизации. Исследователь, по существу, впервые в юридической литературе демонстрирует различие этих двух генеральных способов при применении конкретных публично-правовых форм (создание этносом собственного государства, национально-культурной автономии и др.), исходя прежде всего (но не только) из характера расселения (компактного или разрозненного) этноса.

Книга невелика по объему (14,5 уч.-изд. л.), но богата по широте проблематики, глубине анализа, сравнительному изучению правовых форм в самых различных странах. Она содержит новые для государствоведения и правоведения (а возможно, не только для них) принципиальные научные положения. Некоторые из них четко суммированы в завершении глав (второй, третьей и др.), другие представлены в разных частях текста. Отдельные положения этого рода отработаны ученым в виде определений и в таком качестве могут войти в юридическую, научную и учебную литературу, а в отдельных случаях – в законодательство. Четкость позиции автора, ясность его подходов – несомненное достоинство работы. К сожалению, в книге нет заключения, в котором Т.Я. Хабриева могла бы наиболее обобщенно представить свои итоговые выводы.

В рецензируемой работе три раздела, которые включают семь глав: “Теоретико-правовые основы самоопределения этносов” (политико-правовой аспект, право на самоопределение этносов в истории и в современных условиях), “Территориальные формы самоопределения этносов” (унитарное государство, федеративная модель, территориальная автономия), “Самоорганизация этносов как экстерриториальная форма их самоопределения” (самоорганизация коренных народов, современная национальная культурная автономия).

Выбор такой схемы понятен, хотя термин “экстерриториальная” (автор использует также слово “внетерриториальная”) вызывает сомнения: резервации индейцев в США, саамские парламенты в Норвегии, Финляндии и Швеции, родовые общины коренных малочисленных народов в России существуют, разумеется, на территориях соответствующих стран. Вне территории такие публично-правовые явления невозможны.

По нашему мнению, особенно отчетливо научную новизну работы характеризуют несколько принципиальных положений, содержащихся в основном в гл. 2–4 и 7. К ним

относятся следующие выводы (представляем их в сжатом виде):

1) право на самоопределение этносов – неотъемлемое естественное право каждого этноса на выбор форм организации своей жизни (в том числе публично-правовых форм), но оно исключает волонтаристские решения, связано с обязательным учетом условий жизни этноса, его окружения (других этносов страны и т.д.), принципов международного права и конституции государства – с. 64 (например, ст. 5 Конституции РФ говорит о самоопределении народов, но в (в рамках) Российской Федерации);

2) право этносов на самоопределение нельзя сводить только к территориальным формам (о том, что его нельзя толковать только как отделение от государства, было известно давно), существуют не только территориальные, но и иные формы самоопределения этносов (с. 63). В частности, в качестве такой формы детально рассматривается общественное объединение – национально-культурная автономия (с. 241 и след.);

3) право этноса на отделение от государства (при условии компактного расселения, некоторых других обстоятельств, например численности) признается, но оно не может иметь одностороннего характера (с. 64);

4) самоопределение этносов имеет отнюдь не только форму разделения, обособления (создание этнических субъектов федераций, территориальных автономий и др.), но и форму объединения, создания единых сообществ и государств (с. 141). Территориальная автономия, равно как и этнический субъект федерации, – не только нечто особенное, но и общее в едином государстве (с. 90). Объединение тоже может быть формой самоопределения этносов. В этой связи Т.Я. Хабриева детально анализирует в гл. 4 “федеративную модель самоопределения этносов” (такая формулировка впервые вводится в научный оборот);

5) исторически первой и основной формой территориального самоопределения этносов в мире является создание унитарного государства. Эта форма дает широкие возможности для учета этнического фактора. Одна из наиболее распространенных форм такого учета – “установление официального многоязычия” (с. 88).

Не отвергая тезиса автора книги, на наш взгляд, при оценке роли официального многоязычия следует учитывать, что, видимо, оно может быть наиболее распространенной формой в унитарном государстве, особенно при разрозненном расселении этносов. При компактном поселении на первый план могут выдвигаться другие формы (о них, например о национально-территориальной автономии, говорит сам автор). В настоящее время этническая (религиозно-этническая и др.) территориальная автономия существует приблизительно в 20 странах, а официальное многоязычие – не более чем в семи-восьми. Да и не всегда последнее возможно. Например, язык саамов в Норвегии, Швеции, Финляндии не является

официальным, хотя в Финляндии есть второй официальный язык (шведский) для менее чем 50 тыс. жителей.

Формы территориальной и иной автономии, самоопределения, самоорганизации этносов не вечны, они могут быть взаимозаменяемыми (с. 257).

Субъект федерации (независимо от того, имеет он или нет этнический характер) является “государственным образованием”, его власть в пределах установленной компетенции – “публичная власть” (с. 162). В этой связи целесообразно было бы проанализировать формулировку ст. 5 Конституции РФ о республиках в составе Российской Федерации как государствах и положения ст. 77 и др. о государственной власти субъекта РФ, но этого автор не делает.

Право на самоопределение (включая возможность отделения) в федеративном государстве имеет не субъект федерации (штат, кантон, провинция и др.), а этнос, населяющий этот штат (территорию); при этом должны применяться соответствующие правовые процедуры, предусмотренные конституцией и законодательством.

Самоорганизация этносов в форме общественного объединения национально-культурной автономии может использоваться не только разобщенно проживающим этносом, как иногда принято думать, но и тогда, когда он живет компактно, в том числе когда он создал субъект федерации или территориальную автономию. Особое значение национально-культурная автономия имеет для разрозненно проживающих этносов, поскольку исключаются многие иные формы.

Формулирование таких принципиальных выводов (даже при несогласии с автором по некоторым вопросам) явственно обнаруживает высокое научное содержание данного исследования.

Делая общие выводы, Т.Я. Хабриева, как правило, отмечает особенности России, чего, правда, не сделано при рассмотрении вопроса о территориальной автономии – и это при том, что в России изданы объемные труды, в которых утверждается, что Еврейская автономная область и автономные округа есть территориальные автономии (в действи-

тельности это – субъекты РФ, сохранившие лишь прежние названия).

В работе хорошо представлен анализ событий последних десятилетий в связи с сецессией (их попыток) отдельных этносов (частей) в некоторых государствах и тех правовых форм, в которые такие события облекались (Малайзия, Индонезия, Канада, Эфиопия и др.). Целесообразно было бы упомянуть о заявлениях в 2009–2010 гг. лидеров партий Гренландии и Шотландии о возможности референдумов по вопросу сецессии этих частей государств.

Некоторые проблемы остались вне детального анализа автором (например, вопросы о суверенитете федерации и ее субъектов). Этот вопрос по-прежнему обсуждается в некоторых странах, да и в отдельных конституциях (Мексика, Швейцария) есть формулировки о суверенитете субъектов федераций, которые требуют тщательного юридического анализа (на с. 157 этому посвящены три строки). В гл. 6 был бы уместен дополнительный анализ Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. (следует учесть, что Россия при голосовании на Генеральной ассамблее ООН воздержалась). В работе представлена в основном оценка резерваций для коренных народов в США и Австралии.

Книга написана хорошим, четким языком. Имеются, однако, некоторые погрешности. На с. 87 автор пишет: “В Японии Мейдзине... стремились ввести весьма различные островные языки...”. Неискушенный читатель может подумать: какие ловкие эти Мейдзи! На деле речь идет об особой эпохе развития Японии. Но такие неудачные речевые обороты единичны.

Исследование Т.Я. Хабриевой уже с интересом встречено читателем, оно обсуждается в научных и педагогических коллективах и, несомненно, будет иметь долговременный эффект.

Вениамин Евгеньевич Чиркин,
главный научный сотрудник
Института государства и права РАН,
доктор юрид. наук, проф.
(E-mail: igpran@igpran.ru)